

Рецензия на выпускную квалификационную работу обучающегося СПбГУ Салиховой Ринаты Пирмухаметовны по теме «Сравнительный анализ юридической лексики Древней Руси: Русская Правда и Псковская судная грамота»

В рецензируемой работе проведен подробный сравнительный анализ лексического материала двух памятников древнерусской деловой письменности. Тексты Русской Правды и Псковской судной грамоты были проанализированы по авторитетным изданиям, для сопоставления проведена выборка юридической лексики с учетом данных по истории этих текстов и их месту в системе древнерусского литературного языка. В связи с этим содержание работы соответствует заявленной теме.

В работе рассматриваются все аспекты заявленной проблематики: особенности юридической лексики в древнерусский период, разные подходы к ее анализу, в том числе сравнительный, особенности лексики Русской Правды и Псковской судной грамоты на фоне других юридических текстов того же периода (Главы 1 и 2); проведен сравнительный анализ терминологических слов и словосочетаний рассматриваемых произведений, сгруппированных по тематическому принципу (Глава 3).

Сформулированный во Введении к работе список из 6 задач непосредственно отражен в структуре ВКР. Главы, в пределах которых решается несколько задач, разбиты на параграфы в соответствии с решаемой задачей.

Актуальная научная проблематика по заявленной теме рассматривается в первых двух главах работы. Литература затронутых в исследовании вопросов – теоретического и практического характера – представлена с достаточной полнотой, хотя соотносительный объем рассмотрения этих вопросов мог быть более сбалансирован.

В частности, слишком общим выглядит в рамках темы ВКР начало параграфа работы 1.2 о соотношении языка права с литературным языком Древней Руси. Изложение взглядов А. Х. Востокова, И. И. Срезневского, А. А. Шахматова на процесс формирования древнерусского литературного языка, а также описание концепций В. В. Виноградова и Б. А. Успенского (с. 14-17) можно было сделать более дифференцированно – с акцентом на том, какое место отведено языку юридических памятников в концепциях перечисленных ученых. Последующее изложение (взгляды В. М. Живова, В. А. Рогова, В. В. Рогова и др.) описывает осмысление в лингвистике особенностей древнерусского юридического жанра и не соотносено с первой частью изложения в параграфе.

Аналогичную оптимизацию можно провести и в параграфе 2.2 при изложении актуальных практических вопросов, решаемых в работах по юридической лингвистике. Более кратко можно было бы изложить наиболее важные для темы ВКР положения работ Л. В. Поповой, А. Н. Федоровой, Е. Г. Рыбаковой (с. 34-35). Оригинальность наблюдений Е. Г. Рыбаковой по сделанному обзору не вполне ясна. Данные из работы В. П. Киржаевой и И. А. Якунченковой логичнее было бы привести для сопоставления в Главе 3 работы, при обсуждении лексики с корнем *tat-* в Псковской судной грамоте (с. 47). Наблюдения В. А. Рогова и В. В. Рогова о «казуальности» древнерусского права упоминаются в работе Р. П. Салиховой дважды (на с. 18 и 36).

Количество упоминаемых в работе исследований по разным аспектам изучения юридической лексики показывает хорошее владение ее автора литературой вопроса.

Рекомендации по привлечению дополнительных лингвистических исследований можно высказать только в отношении Главы 3. Во Введении к работе Р. П. Салихова оговаривает, что при анализе лексики в 3-й главе используются словари (с. 4); при разборе отдельных слов также привлекаются мнения ученых, высказанные в монографиях и статьях. Но при этом не вполне ясно, почему автор ВКР при сопоставительном семантическом анализе не использует данные существующих комментированных изданий Русской Правды и Псковской судной грамоты.

Так, текст Псковской судной грамоты был переведен и прокомментирован Л. В. Черепниным и А. И. Яковлевым (Черепнин Л. В., Яковлев А. И. Псковская Судная грамота. Новый перевод и комментарий // Исторические записки, т. 6, М., 1940). Переводческие решения этой публикации можно было бы продуктивно использовать при определении значения некоторых терминов. Например, на с. 62 Р. П. Салихова проводит контекстуальный анализ значения слова *рядница* в грамоте и приходит к выводу, что этот термин обозначает не любой письменный договор, а платежную расписку. Между тем, в издании Л. В. Черепнина и А. И. Яковлева *рядница* и переводится как *расписка*.

Также при анализе значений терминов в Главе 3 было бы желательно активнее привлекать сведения из монографических исследований; достижения известных автору исследований по теме не использованы в полном объеме.

По лексикографическим трудам, которыми пользуется Р. П. Салихова, в списке литературы даны несколько устаревшие сведения: не учтены вышедшие тт. 29 и 30 Словаря русского языка XI–XVII вв. и т. 11 Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.

Сделанные в рецензируемой работе выводы – как промежуточные, так и обобщающие по каждой главе – логичны, подтверждаются предварительно проведенным описанием и анализом, указаниями на существующий научный опыт.

На общем фоне заметно выделяется недостаточно обоснованный вывод параграфа 2.2 о том, что «одним из важных аспектов изучения языка русского права остается применение методов лингвистической статистики» (с. 38). Во-первых, использование статистического анализа почему-то не оговаривается во Введении при формулировке методологии исследования; во-вторых, в параграфе 2.2 («Основные направления исследования юридических терминов древнерусских текстов») упомянутые работы по лингвостатистической проблематике (Л. К. Крыловой, Б. Н. Головина, на с. 37) выглядят инородно, т.к. юридические тексты и проблемы терминологии в них (судя по приведенным данным) не рассматриваются.

Наибольшие замечания вызывают выводы, полученные в Главе 3. Поскольку они основаны на точных количественных данных, вопрос о достоверности этих выводов напрямую связан с правильностью проведенных подсчетов: логичностью распределения выявленной в текстах юридической лексики на группы и подгруппы и точностью установленных единиц для каждой подгруппы. Распределение лексики на подгруппы вызывает отдельные замечания. Можно указать на противоречия, связанные со словом *обида* из лексико-тематической группы «преступность»: все 20 выявленных примеров этого слова даны Р. П. Салиховой в подгруппе «оскорбление личного характера» (для обеих редакций Русской Правды), а на с. 47 после анализа контекстов употребления слова сделан вывод, что *обида* в Русской Правде – «это общий термин для обозначения понятия “преступление”»; в такой ситуации логично было бы отнести часть его употреблений в памятнике к «оскорблениям личного характера», а часть – к «преступлениям против жизни». Кроме того, ошибочно отнесен в группу «преступность» глагол *погубити*, означающий в тексте Псковской судной грамоты не “убить” (как сказано в работе на с. 45), а “осудить”, т.е. относится к лексике судопроизводства. По непонятной причине к тематической группе «судопроизводство» отнесены слова *чернец* и *черница*.

Точность установленного в работе количества юридических терминов, представленных в анализируемых текстах, вызывает сомнение. В частности, необоснованным представляется вывод Р. П. Салиховой о том, что «в ПСГ терминов, относящихся к сфере преступности, меньше, чем в КРП и ПРП» (с. 47). При выборке терминологии из Псковской судной грамоты был пропущен целый ряд терминов тематической группы «преступность». Например, из лексики в подгруппе «преступлений против жизни» оказались неучтенными: *бой*, *мучити*, *сечися*, *битися*, *побитися*, *колотися*; в подгруппе «преступления против имущества»: *наход*, *свести*, *покрасти*, *сняти*. Таким образом, к упомянутым в работе 19 терминам данной группы можно добавить еще как минимум 11 (итого 30), в результате чего количественные показатели в тематической

группе «преступность» в Русской Правде и Псковской судной грамоте оказываются одинаковыми.

Аналогичные неточности в количестве терминов есть и в других тематических группах. Так, по Псковской судной грамоте в группе «санкции за совершение преступного деяния» не учтен глагол *посудити* (“осудить”, статьи 13, 62, 76, нет этого глагола и в группе «судопроизводство»), выражение *дать грамота на кого* (“огласить приговор”, ст. 26). В ЛТГ «судопроизводство» есть сочетание *крестное целование* (с. 54), но при этом не учтено выражение *(по)целовати крест*. В ЛТГ «договорные отношения» (с. 59-60) не упомянуты, например, термины *поручник, порук, рука, руку дать, должник* и др.

В связи с указанными неточностями под сомнением оказываются и выводы, сделанные в ходе статистического анализа в параграфе 3.4, оперирующем данными проведенных ранее подсчетов.

К достоинствам рецензируемой работы можно отнести полноту рассмотренной в Главах 1 и 2 научной литературы по заявленной проблематике, показывающую многоаспектное видение автором исследуемого материала.

Отдельно хочется отметить удачно продуманный порядок подачи материала в Главе 3: специально для материала исследуемых текстов разработана тематическая классификация, позволяющая наглядно представить материал на первом этапе анализа; на следующем этапе на базе классификации проведено сравнительное описание лексем и их групп в Русской Правде и Псковской судной грамоте; сделанные в результате выводы проверены с помощью статистического анализа.

В ходе сравнения лексики автору удалось показать наиболее значимые для истории лексики расхождения терминосистем двух памятников письменности. В частности, автору удалось выявить у ряда слов значения, не отмеченные в словарях, привлеченных к рассмотрению. У слова *обида* в тексте Русской Правды Р. П. Салихова отмечает значение «нанесенное телесное повреждение» (с. 46); для сочетания *торговые деньги* фиксируется не отмеченное в словарях терминологическое связанное употребление (с. 59).

Слабой стороной работы является упоминавшаяся неполнота произведенных лексических выборок из Русской Правды и Псковской судной грамоты. Возможно, отчасти это связано со сложностью определения понятия термин для древнерусской юридической литературы, о которой говорится в параграфе 2.1 рецензируемой работы. Но также это обусловлено и тем, что при анализе в Главе 3 Р. П. Салихова не привлекает в полном объеме научную литературу, представленную в списке к работе. В частности, в монографии С. В. Васильева, известной автору ВКР (Васильев С. В. Псковская Судная грамота и I Литовский Статут. М., 2011), анализируются такие юридические термины, как *бой* и *наход*, пропущенные Р. П. Салиховой при выборке материала. Обращение к работе Васильева помогло бы избежать этого пропуска.

Язык и стиль изложения в рецензируемой работе в целом не вызывают возражений, и можно указать только на отдельные неудачные формулировки, затрудняющие чтение текста.

В Главе 1 текстологические вопросы изложены, возможно, излишне пространно и не всегда внятно: на с. 9–10 сначала говорится о Троицком списке ПРП, а в следующем абзаце упомянут уже «Троицкий извод». Сведения об изданиях текста Псковской судной грамоты (с. 10) можно было бы дать менее подробно, в сноске, или вообще пропустить, т.к. во Введении это уже оговорено.

Непонятна связь двух частей в утверждении: «общественно-значимое понятие обозначается в текстах памятников с помощью разных лексем, то есть отсутствует признак дефиниции» (с. 25). Обозначение понятия разными лексемами говорит о наличии терминов-синонимов, а не об отсутствии дефиниции у термина.

В абзаце, посвященном сложности проведения границы между термином и нетермином (с. 25–26, «Значительную трудность представляет задача...»), приведенная иллюстрация (на слова *завет* и *рукописание*), скорее, содержит термины-синонимы, но не

показывает сложности разграничения терминов и нетерминов. Непонятно, почему автор считает, что *завет* – это термин, а *рукописание* – нечто, соответствующее термину «в народном сознании» (далее, в 3-й главе, *рукописание* анализируется как термин, с. 63).

Непонятно определение этимологии как «толкования понятий в диахроническом аспекте» (с. 38).

Неясна фраза на с. 42: «Для сегодняшнего исследователя такое деление текста помогает отследить основные сферы, которым были посвящены выделенные положения». Как деление текста по этапам его формирования может помочь разделению статей закона на сферы их действия? Что такое «выделенные положения»?

На с. 58 использован термин «синтаксическое словообразование», хотя речь идет не о словах, а о словосочетаниях.

В тексте работы есть ряд формальных недочетов:

- не указан шифр рукописи Новгородской кормчей (с. 9);
- в сноске 3 на с. 25 не указана страница издания;
- сокращение для словаря И. И. Срезневского, принятое во Введении («Срезневский», на с. 4), не совпадает с используемым в тексте работы (используется «Срезневский И. И.»)
- усложняет восприятие достаточно частое нарушение норм пунктуации (при прочтении работы замечено несколько десятков лишних запятых и их пропусков в нужных местах), а также опечатки («по рукописанию» вм. «по рукописи», с. 26 и мн. др.).

Общая оценка выпускной квалификационной работы Р. П. Салиховой положительная, автор вполне заслуживает присуждения искомой степени.

«25» мая 2017 г.

Подпись

Мольков Т. А.

ФИО

